

УДК 343.137

**С.В. Корнакова
Д.Г. Гайков**

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ*

При расследовании дел о насильственных сексуальных преступлениях, особенно совершенных в отношении несовершеннолетних, возникает необходимость в оценке беспомощного состояния потерпевших. В статье аргументируется мнение о целесообразности назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших, что обусловлено их возрастом и сложностью установления причин беспомощного состояния, и требует совместных усилий психологов и психиатров. Обращается внимание на условия информационной эффективности результатов судебных экспертиз, которые в немалой степени зависят от правильности постановки вопросов на разрешение экспертов. Делается вывод о необходимости постоянного взаимодействия экспертных и следственных подразделений, выражающегося во взаимном обсуждении проблем, касающихся совместной деятельности обеих сторон.

Ключевые слова: насильственные сексуальные преступления; судебная экспертиза; оценка беспомощного состояния; несовершеннолетние потерпевшие от сексуальных преступлений.

**S.V. Kornakova
D.G. Gaikov**

FEATURES THE PURPOSE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN RELATION TO MINORS WHO WERE VICTIMS OF VIOLENT SEXUAL ASSAULT

When investigating cases of violent sex crimes, especially those committed against minors, there is a need to assess the helpless condition of the

---

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

victims. The article reasoned opinion on the advisability of a comprehensive psychological and psychiatric examination juvenile victims due to their age and the difficulty of identifying the causes of a helpless condition, which requires the joint efforts of psychologists and psychiatrists. Attention is drawn to the conditions of the informational efficiency of the results of forensic examinations, which are largely dependent on the correctness of questions on the resolution experts. The conclusion about the necessity of constant interaction between expert and investigative units, expressed in mutual discussion of problems relating to the joint activities of both parties.

Keywords: violent sexual crimes; forensic examination; evaluation of a helpless condition; minor victims of sexual crimes.

Смысл использования специальных познаний при расследовании преступлений состоит в обнаружении, интерпретации и оценке признаков, несущих информацию об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. Назначение судебных экспертиз в расследовании насильственных сексуальных преступлений, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних, имеет особое значение, поскольку с их помощью возможно получение не только ориентирующей информации, но и информации, имеющей доказательственное значение.

Следует отметить, что назначение и результаты экспертных исследований имеют не только доказательственное значение, но и способны оказать сильное психологическое воздействие на дающего ложные показания подозреваемого, нередко способствуют изменению его позиции и даже правдивых показаний. Для этого следователю необходимо разъяснять подозреваемому не только причину назначения определенного вида экспертизы, но и содержание экспертного исследования, а также доказательственную силу заключения эксперта.

При расследовании дел, квалифицируемых по ст. ст. 131, 132 УК РФ, особенно совершенных в отношении несовершеннолетних, возникает необходимость в оценке способности потерпевших понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление. Отсутствие такой способности расценивается как беспомощное состояние потерпевших.

Юридический критерий беспомощного состояния состоит из двух компонентов: 1) невозможность понимать характер и значение совершаемых действий – интеллектуальный компонент и 2) невозможность

оказывать сопротивление – волевой компонент. Исходя из того, что в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» между этими компонентами использован союз «или» в соединительно-разделительном смысле (слабая дизъюнкция), это позволяет считать их самостоятельными. Наличие любого из этих компонентов является достаточным для вынесения заключения о наличии беспомощного состояния потерпевшего, которое может иметь как физическую, так и психическую природу. При этом наличие психической беспомощности однозначно предполагает и наличие физической беспомощности. Поэтому особое внимание при проведении экспертизы должно быть фиксировано на таких категориях, как понимание характера сексуальных действий и понимание их значения [7, с. 51].

Как верно в связи с этим отмечает В.А. Полянская, если потерпевший не мог осознавать значение совершаемых с ним действий, очевидно, что он не мог и оказывать сопротивление виновному, поскольку не понимал их криминального смысла. Способность потерпевшего оказывать сопротивление означает осознание смысла совершаемых в отношении него преступных действий. Поэтому судебно-экспертное заключение о неспособности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними действий является, можно сказать, априори показателем неспособности оказывать сопротивление, поскольку сопротивление как целенаправленное действие всегда является осознанным [6, с. 106, 108].

Так, в отношении несовершеннолетнего подсудимого В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, суд пришел к выводу, что В., осознанно использовал малолетний возраст потерпевшей как способ совершения преступления. Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы, малолетняя потерпевшая в силу своей естественной возрастной незрелости и психического развития была не в состоянии понимать характер и значение совершаемых с нею действий и оказывать им сопротивление, обладала ограниченной способностью к правильному восприятию событий и обстоятельств. Потерпевшая могла понимать лишь внешнюю сторону совершаемых с нею действий (место произошедшего, внешность, последовательность совершаемых с нею

действий)¹, что расценено судом как наличие беспомощного состояния потерпевшей.

Ю.Л. Метелица отмечает, что беспомощное состояние имеет непосредственное отношение к возрастным аспектам развития человека, поскольку понимание потерпевшим характера действий виновного предполагает правильное отражение в сознании их содержательной стороны, которое может быть основано не иначе, как на информированности в вопросах пола (в существе сексуальных отношений между полами, формах их проявления и др.). Ученым выделяется четыре уровня осознания и понимания потерпевшими характера и значения совершаемых с ними действий:

- 1) внешней стороны криминальных событий;
- 2) их фактической стороны;
- 3) их социального значения;
- 4) социального значения юридически значимых событий на уровне личностного смысла.

При этом Ю.Л. Метелица указывает, что для констатации наличия беспомощного состояния потерпевшего достаточно нарушения понимания на любом из выделенных уровней [5, с. 58]. Выработка стратегий сопротивления сексуальному насилию зависит от способности потенциальной жертвы определить признаки угрозы уже на ранних этапах посягательства, прогнозировать действия преступника и в соответствии с этим регулировать свое поведение. Выяснение того, насколько несовершеннолетние потерпевшие понимали характер и значение действий виновного, должно включать в себя определение как осведомленности, так и способности к оценке криминальных действий [1, с. 379–380].

В практике судебной экспертизы нередко встречаются случаи, когда подэкспертные при сохранности у них способности к полноценному пониманию сущности действий преступника, тем не менее, не могли оказать сопротивление. Подавление воли у потерпевших может возникнуть как в силу личностных особенностей, например, внушаемости, конформности, подчиняемости, так и эмоциональных состояний, например, аффекта страха, ведущего к снижению способности осознания содержания ситуации и понимания сущности поступков других людей и собственных действий. Данного установлен-

---

¹ Уголовное дело 80731/2013. Архив Верховного Суда Республики Бурятия.

ного экспертизой факта достаточно для определения их состояния как беспомощного, даже при наличии осознанности ситуации и действий виновного.

Констатация беспомощного состояния относится исключительно к компетенции суда, для его установления в зависимости от обстоятельств уголовного дела может назначаться, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-психологическая или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

В ряде случаев вопрос о наличии беспомощного состояния потерпевших суд и следствие решают самостоятельно. Так, совершение не насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних потерпевших, согласно уголовному законодательству, должно квалифицироваться как насильственное преступление (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК), поскольку лицо, не достигшее возраста 12 лет, находится в беспомощном состоянии. В подобных случаях нет необходимости для назначения судебной экспертизы для установления способности малолетнего понимать характер и значение совершаемых с ним действий, поскольку вполне очевидно, что гомосексуальный контакт, например, с 7–8-летним ребенком нельзя ни при каких условиях считать с его стороны добровольным. Кроме этого, согласно п. 4 ст. 196 УПК РФ, назначение судебной экспертизы психического и физического состояния потерпевшего обязательно лишь в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства.

Предметом судебно-медицинской экспертизы является физическая беспомощность, которая может быть вызвана наличием физических недостатков, рядом соматических заболеваний, бессознательным состоянием и т. п. Психическая беспомощность является чаще всего предметом комплексной психолого-психиатрической экспертизы. В свою очередь, оценка беспомощного состояния, вызванного психическим расстройством входит в компетенцию эксперта-психиатра, и в этом случае может быть назначена психиатрическая экспертиза. Психологические факторы, не относящиеся к психической патологии, обусловившие беспомощное состояние входят в компетенцию эксперта-психолога. В таких случаях судебно-следственные органы могут назначить однородную судебно-психологическую экспертизу.

В юридической литературе встречаются различные точки зрения ученых по поводу выбора вида экспертизы. Вместе с тем учеными от-

мечается, что чаще всего на практике встречается неясность генеза психической беспомощности, в связи с этим требуются совместные усилия эксперта-психиатра и эксперта-психолога. При этом обоснованием целесообразности комплексной психолого-психиатрической экспертизы при решении вопроса о беспомощном состоянии, является широкая область пограничных психических расстройств, которые требуют установления соотношения нарушенных и сохранных сторон психики у потерпевших с психическими расстройствами, определения характера взаимного влияния стрессового и психопатологического факторов в юридически значимых ситуациях. В детском и подростковом возрасте даже при наличии психических расстройств важно оценить уровень психического развития, личностные особенности ребенка. Все это обуславливает необходимость междисциплинарного подхода в экспертной оценке беспомощного состояния и значит комплексирования знаний смежных дисциплин (психиатрии и психологии) [6, с. 108].

Как подчеркивает И.А. Кудрявцев, перечень признаков, конкретизирующих психическое состояние и лежащих в основе беспомощности, является открытым. В связи с этим, к предмету комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы должно быть отнесено выявление таких качеств психических расстройств и сопутствующих психологических особенностей и обстоятельств (возрастных, личностных, эмоциональных и др.), совокупный дизрегулятивный эффект которых определяет невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному [3, с. 333]. Из этого следует, что речь идет не только о психических расстройствах, но и об особенностях психики, не носящих характер патологии, поэтому для установления беспомощного состояния потерпевшего целесообразным представляется назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Следует отметить также, что, несмотря на то, что психолого-психиатрическая экспертиза по делам о половых преступлениях назначается с целью установления наличия у потерпевшего беспомощного состояния и иногда даже именуется как экспертиза по определению беспомощного состояния, тем не менее, постановка на разрешение эксперта вопроса в форме: «находилось ли лицо в момент совершения преступления в беспомощном состоянии?» является неверной. Так, например, А.С. Еремин считает, что на разрешение судебно-медицинской экспертизы могут предъявляться вопросы, касающиеся реальности бес-

помощного состояния потерпевшего [2, с. 144]. Но установление наличия, отсутствия или реальности беспомощного состояния как такового не входит в компетенцию экспертов. Поэтому основное значение должен иметь вопрос: «Способно ли потерпевшее лицо с учетом его психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление?».

Таким образом, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по определению беспомощного состояния потерпевших устанавливает способность или неспособность потерпевших к осознанию характера и значения действий виновного и оказанию сопротивления, но не выносит заключение о наличии или отсутствии беспомощного состояния. Квалификация же беспомощного состояния, как уже отмечалось, является исключительно прерогативой суда.

Судебные эксперты отвечают также на вопрос о наличии психического расстройства у потерпевшего, связи этого расстройства с психической травмой, причиненной половым преступлением и о прогнозе болезненного расстройства.

Изложенные аргументы предопределяют предпочтительность назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, преимущество которой, по справедливому мнению И.А. Кудрявцева, заключается в том, что она не просто суммирует возможности судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз по отдельности, но и позволяет установить системные свойства изучаемого объекта: выявить результаты взаимодействия комплекса психологических и патопсихологических случаев. По мнению ученого, назначение комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы – методологически верный, единственно правильный путь к решению экспертных задач – установлению отставания в психическом развитии и его причин, когда получение достоверного ответа гарантируется только одновременной оценкой [4, с. 7].

Качество судебных экспертиз, сроки их исполнения, эффективность экспертных выводов зависят не только от эксперта исполнителя, но и в не меньшей степени от следователя, назначившего экспертизу.

Как известно, неправильная постановка вопросов снижает информационные возможности экспертного заключения. Так, например, Е. Цымбал отмечает, что круг вопросов, которые ставятся на разрешение экспертов при назначении судебно-психологических или пси-

хиатрических экспертиз нередко носит случайный характер. В постановлениях о назначении экспертизы, с одной стороны, ставятся вопросы об обстоятельствах, которые не имеют юридического значения или выходят за пределы компетенции экспертов, с другой – не задаются вопросы, без ответов на которые трудно либо невозможно принять законное и обоснованное решение по уголовному делу. В вопросах нередко используются формулировки некорректные как с юридической точки зрения, так и с позиций юридической психологии и судебной психиатрии [8, с. 104].

Чтобы вопросы, сформулированные следователем в постановлении о назначении экспертизы, были четкими и ясными для эксперта, целесообразно при их подготовке привлекать для консультации специалиста в данной области или даже эксперта, который будет проводить экспертизу. Однако не стоит забывать, что ответственность за правильность формулировок всегда лежит на следователе.

Кроме того, следователь должен уметь анализировать и оценивать заключения экспертов. Для выполнения всех перечисленных требований должно осуществляться постоянное взаимодействие экспертных и следственных подразделений, которое выражается в проведении консультаций; взаимном обсуждении проблем, взаимообмене опытом по вопросам, касающимся совместной деятельности обеих сторон, а также в участии судебных медиков, психологов, психиатров в служебной подготовке следователей.

Список использованной литературы

1. Горинов В.В., Дмитриева Т.Б., Печерникова Т. П., Шостакович Б.В. Судебная психиатрия: учебник / под ред. Б.В. Шостаковича. М.: Зерцало, 1997. 385 с.
2. Еремин А.С. Первоначальный этап расследования изнасилования, сопряженного с причинением вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 202 с.
3. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (науч.-прак. рук.). М.: Изд-во МГУ, 1999. 497 с.
4. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1988. 224 с.

5. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.: Юрид. лит., 1990. 208 с.

6. Полянская Е.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности потерпевших по делам о половых преступлениях понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление // Сибирский юрид. вестн. 2009. № 1 (44). 106–109.

7. Терещенко А.Г., Бубнова И.С. Диагностика индивидуально-психологических особенностей потерпевших по делам о половых преступлениях в судебно-психологической экспертизе // Психология в экономике и управлении. 2013. № 2. С. 49–52.

8. Цымбал Е. Вопросы, подлежащие постановке перед экспертами при возникновении сомнений во вменяемости обвиняемого // Уголовное право. 2010. № 4. С. 104–108.

Информация об авторах

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: svetlana-kornakova@yandex.ru.

Гайков Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dgaykov@yandex.ru.

Information about the authors

Kornakova Svetlana Victorovna – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: svetlana-kornakova@yandex.ru.

Gajkov Dmitriy Gennadjevich – Post-graduated student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: dgaykov@yandex.ru.